

О. Е. Иванова

<https://orcid.org/0000-0003-4887-8376>**Орфографическая перекодификация как деятельность***Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00134*

Статья посвящена одному из важных направлений деятельности в орфографии-ортологии – изменению написаний слов, кодифицированных орфографическим словарем, или перекодификации. Перекодификация осуществляется прежде всего с целью поддержать полноту проявления системных признаков письма, повлиять на частные отклонения от закономерных реализаций системы. В других случаях она реализуется как уступка сформировавшейся узуальной норме, сделанная кодификаторами (субъектами письма) с учетом явно преобладающего употребления. Или с помощью перекодификации исправляются отдельные конкретные предписания словаря, данные под давлением орфографической моды. Важной социально направленной целью перекодификации является обеспечение баланса между прескрипцией национального словаря и интересами пишущего сообщества. В статье рассматриваются примеры перекодификации, совпадающей и не совпадающей с вектором узуальных письменных предпочтений. Опыты реальной перекодификации оцениваются не только с точки зрения регулятивной деятельности лингвистов, но и с точки зрения социальной успешности этой деятельности. Успешной – для кодификаторов и словаря – признается та перекодификация, которая не противоречит уже существующей или прогнозируемой узуальной норме и поэтому легко принимается пишущим сообществом. Перекодификация как корректирующая работа и как деятельность, регулирующая письменный узу, актуальна и для последнего издания «Русского орфографического словаря» 2012 г. В результате перекодификация оценивается не как провал в работе лингвистов или их промахи в нормативном прогнозировании, а как проявление регулятивного аспекта культуры речи.

Ключевые слова: орфография, система письма, орфографический словарь, кодификация, кодифицированная норма, узуальная норма, перекодификация, унификация написаний по правилам, вариативность написаний.

О. Е. Ivanova

Orthographic Recodification as an Activity

The article is devoted to one of the important lines of activity in orthography-orthology – the change spelling of words, codified by spelling dictionary, or recodification. Recodification is carried out primarily to maintain the fullness of the manifestation of systemic features of writing, to affect on the particular deviations from the natural implementations of the system. In other cases, it is realized as a concession to the formed standard norm, made by codifiers (subjects of the writing) taking into account the clearly prevailing use. Or, the separate specific dictionary prescriptions, given under the pressure of the orthographic «fashion», correct with the help of recodification. An important social purpose of recodification is to ensure the balance between the prescription of the national dictionary and the interests of the writing community. The article examines examples of recodification, coinciding and not coinciding with the vector of standard writing preferences. The experience of real recodification is evaluated not only from the point of view of the regulatory activity of linguists, but also from the point of view of the social success of this activity. The recodification that does not contradict the already existing or predicted standard norm and that is therefore easily accepted by the writing community is recognized successful for codifiers and vocabularies. Recodification as corrective work and as an activity, regulating a written standard, is relevant for the latest edition of the Russian Spelling Dictionary (2012). As a result, recodification is not estimated as a failure in the work of linguists or as their misses in normative forecasting, but as a manifestation of the regulatory aspect of the culture of speech.

Keywords: orthography, spelling dictionary, codification, codified norm, standard norm, recodification, unification of spelling by rules, variation of spelling.

Орфографический словарь всегда практиковал и в настоящем практикует перекодификацию отдельных слов. В годы относительной стабильности состава словаря к изменению кодификации прибегали редко. Известны, например, такие из-

менения: *визига* 1956 → *вязига* 1999, *визирь* 1956 → *визирь* и *везир* 1991 (две статьи), *зорянка* 1956 → *зарянка* 1974, *постриженник* 1956 → *постриженник* 1974, *хепенинг* 1974 → *хепенинг* 1999, *на изготовку* 1956 → *наизготовку* 1963 →

на изготовку 1974, электронно-лучевой 1956 → электроннолучевой 1963 → электронно-лучевой 1974, эмитировать 1956 → эмиттировать 1963 → эмитировать 1974 и нек. др. (После слов указывается год вхождения в орфографический словарь: 1956, 1963, 1974, 1991 указывают на первое и следующие исправленные и дополненные издания «Орфографического словаря русского языка», 1999, 2005, 2012 – первое и следующие исправленные и дополненные издания «Русского орфографического словаря» [4]). То, что эта работа никогда не прекращалась, хотя и проходила неявно для пользующихся словарем, свидетельствует, к примеру, надпись в низу страницы предисловия к изданию Орфографического словаря 1968 г.: «В восьмом издании изменено написание слов *машино-час* (было *машиночас*) и *пресс-форма* (было *прессформа*)». В современный период массового пополнения словаря новыми словами перекодификация вполне ожидаемо используется чаще, поскольку орфографическое нормирование новых слов осуществляется непосредственно в процессе их освоения живым русским письмом. Не нужно специально доказывать, насколько неравномерен этот процесс и как порой трудно бывает нащупать верный путь для фиксации слова в словаре.

Перекодификация часто оценивается как весьма негативное явление, как значительный изъян в деятельности по нормированию письма, подрывающий доверие к словарю как авторитетному источнику нормы. Смена норм («диахроническая вариативность», по В. И. Беликову) для большинства людей остается неизвестной, рядовые компетентные носители языка пишут так, как выучились в школе и в институте, изменение же написания слова становится для них зачастую неприятным открытием. В вышедшем в 1999 г. «Русском орфографическом словаре» (далее – РОС) впервые в практике издания был приведен *Список слов с измененным написанием* (в сравнении с прежним «Орфографическим словарем русского языка», 33-е стер. изд. 1998 г.). Это была своего рода лексикографическая новация, смелый шаг к пользователю, показывающий многостороннюю работу лингвистов в словаре: унификацию написания слов по правилам (напр., *плеер / плейер* → *плеер*, *тета/тэта* → *тета*; следующие слова было предложено писать слитно, выведя их из исключений: *койкодень*, *койкоместо*, *машинодень*, *машиноместо*, *машиночас*, *пассажиркилометр*,

самолетовылет, *скотоместо*, *станкочас* и под., *монголотатарский*, *тюркотатарский*, *угрофинский*), исправление ошибок, допущенных ранее (*алеманны*, *гееннский*, *полосануть*, *трасология*), введение новых написаний ряда слов в соответствии с практикой письма и научными лингвистическими основаниями нормы (*вальтерскоттовский* и под., *вязига*, *гиперъядро*, *деланный* и *считанный* прил., *как то союз*, *мелочовка*, *плащовка*, *дурак-дураком*, *свинья-свиньей*; первые части сложных прилагательных *водно-...*, *горно-...*, *конно-...* предлагалось писать с дефисом, *грузо...*, *мясо...*, *пухо...* – слитно и пр.). В дальнейшем, однако, от идеи обнародования результатов работы специалистов пришлось отказаться из-за отрицательной реакции коллег и пользователей словаря: первые не согласились с некоторыми предложенными новациями, вторые были не готовы принять сам факт, что в орфографическом словаре может что-то меняться. Перекодификацию негативно оценивают и орфографисты-теоретики. Например, С. М. Кузьмина так говорит о важнейших принципах кодификаторской деятельности: «Самым приоритетным, самым сильным общим принципом, по всей видимости, следует признать парадоксальный на первый взгляд принцип *невнесения* изменений: менять написание следует в самом крайнем случае, лишь тогда, когда это «зло необходимое», по выражению Е. Д. Поливанова. В иерархии критериев оценки конкурирующих вариантов этому критерию в силу приоритета устойчивости орфографии должен быть присвоен самый высокий индекс» (курсив автора статьи) [1, с. 60]. Изменение написания, покоящееся исключительно на теоретическом обосновании, даже и безукоризненном, также признается сомнительным, поскольку не учитывает «особого историко-культурного положения письма в обществе» [1], то есть, если мы правильно понимаем, имеется в виду тот социальный компонент, который называется обычаем (часто не поддающийся рациональному осмыслению). Только «конфликт нормы и узуса, проявляющийся в бездействии правила», дает основания для внесения орфографических изменений, считает С. М. Кузьмина.

Мы полагаем, однако, что единичная, выборочная перекодификация, исходящая из теоретических посылов, имеет право на существование, поскольку она опирается на лингвистические основания написаний слов определенного типа и следует представлениям кодификаторов как субъектов письма о со-

ответствии того или иного бытующего узуального написания системе письма и перспективам его развития. Такая перекодификация проводится сознательно вопреки тому, что узус количественно предпочитает сейчас другой вариант (например, в словаре даны *мелочовка, плащовка, разыскной, геологоразведочный, народно-хозяйственный* при преобладающих в узусе *мелочевка, плащевка, розыскной, геологоразведочный, народнохозяйственный*), с целью поддержать полноту проявления системных признаков письма, повлиять на частные отклонения от закономерных реализаций системы. Последовательное продвижение по этому пути в идеале стремится к избавлению от исключений из правил, от части неверных написаний, которые называют закрепившимися, и от модных сиюминутных написаний, попавших в словарь, и пр. Социальная сторона такого подхода, конечно, таит определенную опасность: если слово востребованное, известное, то изменение его написания чревато конфликтом словаря с пишущим сообществом, а если речь идет о термине, то узкий круг специалистов просто проигнорирует новацию. Ясно, что полностью встать на рельсы перекодификации, основывающейся только на лингвистических соображениях, нельзя, поскольку это ведет к отрыву словаря от общества, потере им авторитета (речь идет о современном состоянии общества, далеко ушедшего от дисциплины орфографического «режима»). В. В. Лопатин так пишет об этой проблеме: «Устранение сложных случаев, различного рода традиционных отступлений от общих принципов письма, которых в нашей орфографии достаточно, – вряд ли целесообразно, а на практике едва ли осуществимо. Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, принципиально изгоняя из нее все исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно чистой, непротиворечивой, «причесанной», поскольку она <...> является в значительной степени результатом длительного историко-культурного саморазвития» [3, с. 693].

Перекодификация может обуславливаться и другими причинами, выходящими за рамки названного «бездействия правила», поскольку многие слова пишутся по своему индивидуальному правилу. Перекодификация, в частности, предстает как своеобразная работа лингвистов над ошибками, если таковыми можно считать, например, некоторые конкретные предписания словаря, обусловленные давлением преходящей орфогра-

фической моды (*рирайтер* 1999, *свопинг* 2005, *трынтэ* 2005, *фрайер* 1974): со временем потребовалось введение словарной нормы написания в русло или правила, или морфемного единообразия, или письменной тенденции, тем более что и узус двинулся в соответствующем направлении (*рерайтер* 2012, *свопинг* 2012, *трынте* 2012, *фраер* 1991). Или, наоборот, перекодификация выступает – с точки зрения предпочтения системного фактора письма – как вынужденная уступка (дружественный шаг навстречу?) сформировавшейся узуальной норме, языковой привычке, обычаю, сделанная кодификаторами с учетом явно сложившегося, подавляющего употребления. Показателен пример слова *мэтр*. Желание графически передать устойчивое произношение иноязычного слова и, может быть, оттолкнуться от омонимии проявилось в перекодификации написания *метр* «мастер; учитель» на *мэтр* в 1991. Согласно данным [5] в орфографическом словаре 1974 г. (и ранее) было слово *метр* как недифференцированное объединение трех омонимов: «единица измерения», «термин стихосложения», «мастер, учитель». В написании с буквой *e* эти слова даются в Малом академическом словаре, Словаре иностранных слов, Орфоэпическом словаре под ред. Р. И. Аванесова, Большой советской энциклопедии и др. и не могли не подразумеваться в общей для них графической единице *метр* орфографического словаря (аналогичная ситуация со словом *бек* – «господин» и «защитник в футболе»). Так что выделение из этого ряда слова *мэтр* есть своеобразный разрыв с многолетней словарной традицией одинаково передавать этот корень в родственных словах *метраннаж, метрдомель, метресса*.

Во всех случаях побочной целью работы по перекодификации является стремление к соответствию словаря реальному письму (узусу). Корректировки подобного свойства – это своеобразное регулирование доверия общества к орфографическому словарю, традиционно включающему слова не только в системных, но и в индивидуальных написаниях, не только пишущиеся по правилам, но и являющиеся исключениями из правил.

Приведем несколько опытов реальной перекодификации, чтобы не только проиллюстрировать направления регулятивной деятельности лингвистов, но и оценить успешность этой деятельности. Успешной – для кодификаторов и словаря – назы-

ваем ту перекодификацию, которая не противоречит уже существующей или прогнозируемой узуальной норме и поэтому легко принимается пишущим сообществом (то есть обычно остается незамеченной). В результате кодификация и письмо гармонируют друг с другом. При словах дается небольшой комментарий, содержащий указание на системность / несистемность области перекодификации, мотивация перекодификации, состоящие актуального узуса.

виброфон 1956 → 1974 вибратфон – кодификация 1956 была осуществлена по образцу слов с соединительной гласной *вибростол*, *вибросито*, а перекодификация – в соответствии с узуальной терминологической нормой слова (нем. *Vibraphon* < лат. *vibrāre* колебать, качать; дрожать + греч. *rhōnē* звук; англ. и фр. *vibraphone*, итал. *vibrafono*, нем. *Vibraphon*), то есть из зоны правила слово переведено в словарный материал, из системы – в асистемную часть письма; перекодификация успешна;

гексоген 1999 → 2005 гексаген – узуальная норма осталась *гексоген* в соответствии с этимологией интернационального термина (нем. *Hexogen*; фр. *hexogene*; исп. *hexogeno*), написание с **о** поддержано БРЭ и электронным узусом; перекодификация по первой части сложных слов греч. *hexa...* от *hex* «шесть», как *тетра*, *пента* и др. отвечает правилу, то есть системна, но не успешна;

каратэ 1974 → 1991 карате – перекодификация по правилу, узус для основного слова до сих пор не определился, но написаний с **е** почти половина; для разновидностей борьбы *аишихара-карате/э*, *косики-карате/э* узус в пользу **э**, так же пишутся и официальные названия федераций; пока перекодификацию нельзя признать успешной;

плейер 1991 → 1999 плеер – перекодификация в соответствии с правилом совпала с узуальной нормой; в словарях слово вариативно; тот же корень перед согласной и на стыке морфем перед дефисом передается как *плей-* в словах *плейбой* 1974, *плеймейкер* 1999 и *плей-офф* 1999; перекодификация успешна;

фрайер 1974 → 1991 фраер – перекодификация в соответствии с правилом совпала с узуальной нормой; перекодификация успешна;

китч и кич 1991 → 1999 китч – перекодификация в асистемной области позволила уйти от кодификационной вариативности, выбран тот из узуальных вариантов, который представляется лингвистам более перспективным, так как учиты-

вает аналогию со словами типа *матч*, *клатч*, *патч*, *путч*, *скетч*, *скретч*, *скотч*; узуальная тенденция до сих пор однозначно не выявилась (кажется, что больше *китч*), фонетически [тч] и [ч];

реслинг 1999 → 2005 реслинг и рестлинг – перекодификация в асистемной области привела к кодификационной вариативности, отражающей вариативность узуальную; по данным орфоэпических словарей звук [т] не произносится, кодификация направлена в сторону транслитерации, родственные слова кодифицированы по транслитерации: *армрестлинг* 1999, *рестлер* и *армрестлер* 2012, перекодификация успешна;

Интернет 1999 → 2012 Интернет и интернет – перекодификация привела к кодификационной вариативности, но отразила тенденцию к аппелятивизации слова, перекодификация успешна;

форс-мажор 1956 → форсмажор 1999 → форсмажор 2005 – итоговая перекодификация в асистемной области в соответствии с узуальной терминологической нормой; перекодификация успешна;

мажорминор 1999 → 2005 мажоро-минор – перекодификация в системной области (правило слитного написания существительных с соединительной гласной) в соответствии с узуальной терминологической нормой, перекодификация успешна;

саундпродюсер 2005 → 2012 саунд-продюсер – перекодификация в системной области по правилу сложения двух самостоятельных слов, соответствует узуальной тенденции к дефисному написанию, однако родственные слова кодифицированы по-разному, ср. 2005 *саундтрек*, *саундбластер*, *саунд-процесс*, 2012 *саунд-дизайн*, *саунд-поэзия*; перекодификация успешна;

мини-вэн 2005 → 2012 минивэн – перекодификация в системной области по узусу и с учетом аналогии со словами *микровэн*, *мультивэн*, *компакт-вэн* (уз. тенд. *компактвэн*), слово перешло в разряд исключений; перекодификация успешна.

Из примеров видно, что изменение написания не станет успешным, если вектор предложенного изменения не совпадает с вектором узуса (см. *гексаген*, *карате*) или узуальная тенденция окончательно не сформировалась (см. *китч*), – это характерно для корректировок как в системной, так и в асистемной части письма. И наоборот, успешно будет то изменение, которое опирается на поддержку узуса (как живого употребления, так и принятого в энциклопедиях). Однако в ряде слу-

чаев такое выгодное для словаря изменение трудно признать плодотворным с точки зрения поддержания системных факторов письма, так как написание пополняет список исключений из правила (см. *минивэн*) или отражает в словаре вариативность узуального бытования (см. *Интернет* и *интернет*), причем не всегда последовательно, но тоже в соответствии с реальной ситуацией (см. *реслинг* и *рестлинг*, но только *армрестлинг*, *рестлер*). Перекодификация, проведенная в соответствии с терминологическим обиходом, будучи успешной (в принятом выше смысле), также может предпочесть вариант исключения из правила (дефисное *мажоро-минор*) или исключения из

группы однотипных слов (*вибрафон* не как *вибросито*). Но если в терминологическом узусе какое-либо написание закрепилось давно, то это будет препятствовать усвоению новой нормы, установленной в соответствии с правилом (узуально *каратэ*) или с общим фактором, релевантным для ряда слов (узуально *гексоген*, хотя первая часть *гекса...* как *пента...*, *тетра...* и пр.).

По нашим наблюдениям, попытки перекодифицировать давно употребляющиеся общеизвестные термины и устоявшиеся в написании слова, имеющие длительную традицию бытования, узусом не принимаются, см. еще примеры.

Таблица 1

Слова в устойчивом написании

ОРФ 1956	ОРФ 1974, 1991, РОС 1999	уз. тенденция (норма)
геологоразведочный	геолого-разведочный 1991	геологоразведочный
патологоанатомический	патолого-анатомический 1991	патологоанатомический больше
церковнославянский	церковно-славянский 1991 и церковнославянский 2005	церковнославянский
первобытнообщинный	первобытно-общинный 1991	уз. тенд. не выявилась
щелочноземельный	щелочно-земельный 1991	щелочноземельный
народнохозяйственный	народно-хозяйственный 1991	народнохозяйственный
естественнонаучный	естественно-научный 1991	естественнонаучный
розыскной	разыскной 1991	розыскной
зорянка	зарянка 1974	зарянка (редко зорянка)
визига	вязига 1999	визига больше
мелочевка	мелочовка 1999	мелочевка больше
плащевка	плащовка 1999	плащевка больше

Из всех этих слов – известных и неоднократно бывших предметом дискуссий – ни одно измененное написание не прижилось в употреблении, кроме *зарянки* (которую, впрочем, иногда до сих пор можно найти в списке исключений с безударным корнем *зор*). Можно заключить, что перекодификация слов с устойчивым сложившимся написанием вряд ли может стать успешной: слишком незначителен период времени для воздействия нормы орфографического словаря на письменные привычки общества, притом что авторитет словаря в период либеральных изменений ставится под сомнение. Можно сказать, что, прибегая к перекодификации слов с длительной традицией написания, лингвисты сами создают определенный локальный конфликт в письме – предлагая орфографическое решение, более перспективное для письма не в сиюминутном, а в отдаленном времени.

Перекодификация как корректирующая работа и как деятельность, регулирующая письменный

узус, актуальна и для последнего издания «Русского орфографического словаря» 2012 г. Изменения проведены в нем в соответствии с четкими лингвистическими и социолингвистическими основаниями. Это, прежде всего, перекодификация по правилу и / или в соответствии с основополагающим принципом для русского письма – единообразной передачей морфемы и – второе – перекодификация в асистемной области письма в соответствии с укоренившимися узуальными предпочтениями при опоре на орфографический прецедент и словарные аналогии.

Изменения написаний направлены в основном в сторону стабилизации системных черт письма и выравнивания соотношения узус – словарь: сокращение количества исключений из правил, то есть перевод написаний в зону правила (напр., *геспериды* → *Геспериды*, *Марсельеза* → «*Марсельеза*», *ацетиленокислородный* → *ацетиленокислородный*, *кросскультурный* → *кросс-культурный*, *человекомашинный* → *человеко-*

машинный и др.); уменьшение разнобоя при передаче одной морфемы в разных словах, то есть реализация принципа морфемного тождества (напр., *рирайтер* → *рерайтер*, *кавегерл* → *кавер-герл*, *трактреал* → *трактриал*, *своппинг* → *свопинг* и др.); опора на письменную аналогию и прецедентные написания (напр., *герлс* → *герлз*, *рендж* → *рейндж*, *Минимумество*, *-а* → *Минимумества*, *нескл.*, *с.*); наконец, приведение кодифицированной нормы в согласие с узуальной нормой (напр., *о'кей* → *окей* и *о'кей*, *сокер* → *соккер*, *хавпайп* → *хафпайп* и др.). Имеются и единичные отступления от принятых подходов: так, несмотря на существование в узусе слова *вэн*, слово *минивэн* предлагается писать слитно – как в соответствии с правилом написания сложных слов с несамостоятельной второй частью (ср. *альфатрон*, *бембиситтер*, *бизнесмен*, *бодибилдинг*, *минимобиль*, *миницикл* (мотоцикл) и пр.), так и в согласии с преобладающим узуальным написанием; прилагательное *органоминеральный* перекодифицировано по узусу слитно, несмотря на то, что его основы обозначают равноправные понятия и по правилу должно быть дефисное написание. Некоторые слова, напротив, получили новую кодификацию в противоречие с узуальной доминантой: *поул-позишен*, *фьюжен* даются с проясненным гласным финали – в соответствии с системной чертой русского языка, в фонетике которого шипящий не является слогаобразующим звуком; слова *эховолна*, *эхоимпульс*, *эхокамера*, *эхометод*, *эхорезонатор*, *эхосигнал* получили слитное написание – при наличии двойной мотивированности написания и вариативного узуса проведена перекодификация по правилу написания соединительной гласной; *фэнишуй* следует писать слитно, поскольку для русского письма не характерно выделение в слове несамостоятельных, неосмысляемых частей и поскольку имеются многочисленные аналогии (пишутся слитно: *баоцзя*, *гаолян*, *гохуа*, *дацзыбао*, *кумкват*, *лагман*, *хуацяо*, *хунхуз*, *цигун* и др., также *дзюдо*, *женьшень*, *ушу*, написание которых изменилось с дефисного на слитное). Кроме того, исправлено несколько ошибок, в частности, в собственных именах в соответствии с данными энциклопедий.

Итак, какими бы основаниями ни обуславливалась перекодификация, она реализуется в виде точечных корректировок написаний. Необходимая словарная перекодификация, таким образом, должна восприниматься не как провал в работе лингвистов или их промахи в нормативном про-

гнозировании, а как проявление «регулятивного аспекта культуры речи» [2, с. 307], как реализация специфической связи между письмом и субъектом-кодификатором с его «сознательным контролем и вмешательством» с целью «воздействовать на литературный язык, его функционирование и развитие таким образом, чтобы как языковая коммуникация, так и усвоение языка осуществлялись без излишних перебоев и конфликтов...» [2, с. 308, 312]. То есть нынешняя корректирующая деятельность РОС по отношению к орфографии имеет, говоря словами Я. Кухаржа, «характер постепенного систематического разрешения частных конфликтов и незначительных конфликтных ситуаций, которое осуществляется на базе теоретических принципов и программных положений» [2, с. 313]. Такова наша апология перекодификации – важного и постоянного процесса корректировки письменной формы языка в ее отдельных звеньях.

Библиографический список

1. Кузьмина, С. М. Нормы орфографии и современная письменная практика [Текст] // Современный русский язык. Система – норма – узус / отв. ред. Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 47–67.
2. Кухарж, Я. Регулятивный аспект культуры речи [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. – М.: Прогресс, 1987. – С. 307–313.
3. Лопатин, В. В. Русская орфография: задачи корректировки [Текст] / В. В. Лопатин. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. ИРЯ им. В. В. Виноградова. – М.: «Издательский центр «Азбуковник»», 2007. – С. 688–705.
4. Русский орфографический словарь: около 160000 слов [Текст] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / В. В. Лопатин (отв. ред.), Б. З. Букчина, Н. А. Еськова и др. – М.: Азбуковник, 1999. – 1280 с.; Русский орфографический словарь: около 180000 слов [Текст] / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.), И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 960 с.; Русский орфографический словарь: около 200000 слов [Текст] / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. – Изд. 4-е, испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 896 с.
5. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. [Текст] / АН СССР. Ин-т рус. яз. / под ред. Р. П. Рогожниковой. – М.: Русский язык, 1991.

Reference List

1. Kuz'mina, S. M. Normy orfografii i sovremennaja pis'mennaja praktika = Norms of spelling and modern written practice [Tekst] // Sovremennij russkij jazyk. Sistema – norma – uzus = Modern Russian. System – norm – usage / otv. red. L. P. Krysin. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. – S. 47–67.
2. Kuharzh, Ja. Reguljativnyj aspekt kul'tury rechi = Regulatory aspect of the speech standard [Tekst] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: Vyp. 20: Teorija literaturnogo jazyka v rabotah uchenyh ChSSR = New in foreign linguistics: Issue 20: The theory of the literary language in works by ChSSR scientists. – M. : Progress, 1987. – S. 307–313.
3. Lopatin, V. V. Russkaja orfografija: zadachi korrek-tirovki = Russian spelling: problems of adjustment [Tekst] / V. V. Lopatin. Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye stat'i po russkomu jazyku // Rossijskaja akad-emija nauk. IRL im. V. V. Vinogradova = Russian Acad-emy of Sciences. IRL named after V. V. Vinogradov. – M. : «Izdatel'skij centr «Azbukovnik»», 2007. – S. 688–705.
4. Russkij orfograficheskij slovar': okolo 160000 slov = Russian spelling dictionary: about 160000 words [Tekst] // Rossijskaja akademija nauk. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova = Russian Academy of Sciences. Insti-tute of the Russian language named after V. V. Vinogradov / otv. red. V. V. Lopatin, B. Z. Bukchina, N. A. Es'kova i dr. – M. : Azbukovnik, 1999. – 1280 s.; Russkij orfograficheskij slovar': okolo 180000 slov Rus-sian spelling dictionary: about 180000 words [Tekst] // Rossijskaja akademija nauk. In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova = Russian Academy of Sciences. Insti-tute of the Russian language named after V. V. Vinogradov / O. E. Ivanova, otv. red. V. V. Lopatin, I. V. Nechaeva, L. K. Chel'cova. – 2-e izd., ispr. i dop. – M., 2005. – 960 s.; Russkij orfograficheskij slovar': okolo 200000 slov = Russian spelling dictionary: about 200000 words [Tekst] / pod red. V. V. Lopatina, O. E. Ivanovoj. – Izd. 4-e, ispr. i dop. – M. : AST-PRESS KNIGA, 2012. – 896 S.
5. Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t. = Summary dictionary of modern Russian lexicon: In 2 v. [Tekst] / AN SSSR. In-t rus. jaz. / pod red. R. P. Rogozhnikovoj. – M. : Russkij jazyk, 1991.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.06.2018

Дата принятия статьи к печати: 28.06.2018